

Глубина и сакральность «Пуль в шоколаде» -

чтобы стало хорошо, сначала должно быть плохо

Автор: Дарья Остер

Маленькое чердакообразное помещение. Три ряда стульев и импровизированная сцена, отделенная от них буквально полшагом. Из декораций только три деревянных ящика с примитивными, но многообещающими надписями «булыжник», «пенек» и «постамент», разбросанные вокруг кубики поролона - и все это на фоне серых бетонных стен. Ощущение абсурда настигает сразу же, стоит только лишь на секунду воровато заглянуть за кулису.

Пьесу Михаила Волохова «Пули в шоколаде», срежиссированную Владимиром Киммельманом, действительно можно назвать откровением. Какой-нибудь гипотетический унылый «моралфаг-консерватор», покинув площадку после показа, скептически поведет бровью и спросит: «Ну и? О чем эта пьеса?». Обо всем... – пожалуй, самый верный ответ.

Своими классическими и вместе с тем жгуче современными, очень театрально образными и гиперреалистическими пьесами Михаил Волохов известен во Франции и любим французской публикой. В России же он слывет довольно-таки скандальным драматургом, а вышедшее в 2017 году из-под его пера творение – противоречивым искусством.

Глубина и сакральность «Пуль в шоколаде» позволила раскрыть, показать и развить режиссёру и актёрам свои мастерские таланты - поскольку только гениальному режиссёру есть что ставить в гениальных пьесах Волохова, а гениальным актёрам есть что в них

играть. Полноценное культурное удовлетворение получается только тогда, когда в один и тот же миг что-то тебя заставляет возвышенно смеяться и одновременно напряжённо думать. За гиперболизированной комичностью и откровенным стебом, сопровождающим каждую третью строчку, заурядному зрителю будет достаточно сложно вникнуть в суть и что-либо понять. Как говорит сам Волохов, «Пули в шоколаде» для всех и для любого возраста, но парадоксально пьеса может быть понята только зрителем «матерым», и матерым не столько в смысле драматургии, сколько в самой жизни. Беспечный аморфный белоручка захочет уйти уже через пятнадцать минут. Кто-то более пытливый и «тонко зрячий» останется даже тогда, когда его полностью накроет переизбытком абсурдизма. Слоган гласит: «Смешное. Острое. То, что кричит в вас, но в чём никто никогда не признается». Совершенно верная цитата, ведь за второстепенными «межстрочными» смыслами эта пьеса, конечно же, об одиночестве и абсурдности окружающего нас мира. То есть это как маленькая проекция глобальной повсеместной проблемы, помещенная в рамку истории встретившихся на войне двух солдат и девушки (невероятно талантливые Андрей Клавдиев/Никита Ермочихин, Станислав Пеховский, Нина Дронова). Более того, все происходящее действие само отвечает на вопрос о преодолении всевозможных жизненных неурядиц – легче и проще ко всему относиться. Высмеивание здесь – как неотъемлемый элемент заложенного посыла. Отсюда становится совершенно неважным наличие пышных декораций и амфитеатра и даже то, как, когда, почему герои попали на войну – факт психологичности и сосредотачивания на чем-то чисто человеческом полностью заполняет действительность, и жанровое определение трагикомедии полностью оправдывает себя.

Слишком близкое расположение зрительских мест к площадке дает мощное ощущение присутствия, и когда один из героев смотрит на тебя в упор и обращается к тебе, или когда в произнесенных репликах вдруг узнаешь себя или свое окружение, становится даже жутко, но с одной маленькой ремаркой – потрясающе жутко.

Продюсер Ольга Асколина охарактеризовала само явление этого спектакля, как треш. Треш во всем: от «закулисного» процесса создания и, конечно же, до смысловой ценности. За день до премьеры, которая состоялась 24 ноября, сломался второй по счету проектор, за час до одного из показов обесточили помещение. Ничего, все наладили, отыграли. Неординарность и некое «амбре» сумасшествия и хаотичности присутствуют даже в таких деталях.

Изначально Владимир Киммельман не знал, как вообще подойти к пьесе, но совместными усилиями на репетициях, методом проб и ошибок путь был найден. Что еще примечательно, так это нахождение верного драматического решения со стороны актеров. Воплощение их персонажей многогранно, они больше люди, чем может показаться на первый взгляд из-за непрекращающегося поведенческого высмеивания и высмеивания в диалогах. Аллегория и синоним этой пьесы – смелость. Беспрецедентная и безоговорочная смелость, потому что актеры отыграли гениально и праведно зрело, что соответствует мировому уровню пьесы. Они чувствуют себя свободно, что также дает волю импровизации, и тут будет очень кстати волоховское высказывание про то, что пьеса – река, и надо просто позволить ей течь.

Как писал Ренэ Герра – известный французский славист и переводчик Волохова: «Неслучайно пьесы Волохова высоко ценил классик театра абсурда Эжен Ионеско, с которым Волохов был близко дружен. А роль Михаила Волохова в современной истории российской драматургии сравнима с ролью его старшего друга Эжена Ионеско для драматургии французской».

Довольно часто искусство в наше время оказывается непонятым, однако же в отличие от чеховского Кости Треплева Михаил Волохов бесспорно нашел своего читателя и зрителя, и именно «Пули в шоколаде» похожи на пространное откровение, очень напоминающее эффект ипекакуаны – чтобы стало хорошо, сначала должно быть плохо и даже, быть может, немного отвратительно. Когда покидаешь этот абсурд, обязательно оборачиваешься и чувствуешь в себе течение этого своеобразного, тяжелого и одновременно легкого катарсиса.